

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

THE CORRELATION BETWEEN THEORETICAL-HISTORICAL AND APPLIED RESEARCH IN THE FIELD OF LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 340.1

DOI 10.33184/pravgos-2024.3.1

Original article

ГОРБУНОВ Максим Дмитриевич
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
e-mail: maxandgor@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>

GORBUNOV Maxim Dmitrievich
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО (АНАЛИТИЧЕСКОГО) ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

COMMON ISSUES OF NATIONAL AND ANGLO-AMERICAN (ANALYTICAL) LEGAL POSITIVISM

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о поиске оснований соприкосновения и научного диалога между отечественным правовым позитивизмом и аналитическим позитивизмом, представленным в странах общего права. Утверждается, что, несмотря на значительные методологические различия и относительно самостоятельную историю формирования, указанные парадигмы имеют много общего: проблема нормативности права, судебное усмотрение и правовая аксиология. Подтверждают эту связь по названным вопросам в первую очередь современные теории и общие тенденции развития отечественной доктрины, заключающиеся в расширении методологической базы с целью совершенствования представлений о позитивных связях, лежащих в основе правовой системы. Цель: несмотря на наличие объективных различий между отечественным и англо-американским (аналитическим) правовым позитивизмом, показать их сходство по изучаемым вопросам и ключевым тезисам. Методы: общенаучные (диалектический и исторический, общелогические приемы, системный и сравнительный) и специально-юридические (сравнительно-правовой анализ и метод юридической герменевтики). Результаты: исследование позволило определить не только специфику аналитического правового позитивизма в сравнении с отечественной позитивистской догмой, но и выявить точки соприкосновения названных доктрин.

Abstract. The article examines the issue of finding the basis for common ground and scientific dialogue between national legal positivism and analytical positivism represented in common law countries. It is stated that despite significant methodological differences and a relatively independent history of formation, these paradigms have much in common: the problem of normativity of law, judicial discretion and legal axiology. This connection on these issues is confirmed, first of all, by modern theories and general trends in the development of national doctrine to expand the methodological basis for improving the ideas about the positive connections that underlie the legal system. Purpose: in the context of objective differences between national and Anglo-American (analytical) legal positivism, to show their similarities in the issues being studied and key theses. Methods: general scientific (dialectical and historical methods, general logical techniques, systematic and comparative methods), special legal (comparative legal analysis and legal hermeneutics). Results: the study allows to determine not only the specifics of analytical legal positivism in comparison with national positivist dogma, but also to identify points of convergence of the mentioned doctrines.

Ключевые слова: *правопонимание, российская правовая наука, догма права, аналитическая юриспруденция, правовой позитивизм, нормативное регулирование, аксиология права, юридическая практика*

Для цитирования: Горбунов М.Д. Общие вопросы отечественного и англо-американского (аналитического) правового позитивизма / М.Д. Горбунов. – DOI 10.33184/pravgos-2024.3.1 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 6–14.

Keywords: *legal understanding, Russian legal science, dogma of law, analytical jurisprudence, legal positivism, normative regulation, axiology of law, legal practice*

For citation: Gorbunov M.D. Common Issues of National and Anglo-American (Analytical) Legal Positivism. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 3, pp. 6–14. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.3.1.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня, в условиях дискуссии о необходимости расширения методологического базиса отечественной доктрины и повышения ее конкурентоспособности, крайне значимым является поиск общей платформы для конструктивного научного диалога, в том числе по поводу альтернативных правовых парадигм, в числе которых традиционно выделяется система англосаксонского общего права. При этом недостаточно известен факт, что и в среде общего права развивающимся и прогрессивным направлением является правовой позитивизм, его аналитическое крыло. В данной связи кажется крайне важным определение данного направления в контексте его связи с отечественной позитивистской догмой права для нахождения точек взаимодействия и конструктивной критики.

Прежде чем определить эти общие точки соприкосновения парадигм, необходимо выяснить саму возможность их сравнительного анализа. Здесь можно выделить следующие вопросы:

1) установление общих закономерностей становления и развития данных направлений в правопонимании;

2) определение методологической базы и специфических особенностей установок отечественного и англо-американского позитивизма;

3) выявление однородных связанных концептуальных проблем, в рамках которых возможен научный диалог.

Рассмотрим их подробно.

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

Первый вопрос, который возникает: насколько общие основания, методологическая

база и генезис отечественной позитивистской и англо-американской аналитической доктрин являются связанными, насколько они в принципе поддаются сравнению в одной категориальной системе.

Необходимо отметить, что в целом позитивистская правовая доктрина имеет общие корни и связана с ростом идеи общефилософского позитивизма и активным формированием социогуманитарных наук в XIX в. Тем не менее отечественная и англо-американская доктрины прошли два этапа размежевания в общем контексте формирования особенностей континентального и британского правового позитивизма.

В целом общие предпосылки формирования позитивистского правопонимания связаны с бурными процессами, происходящими в Европе в период Новейшего времени [1, с. 143]. К ним можно отнести:

1) развитие рационалистических направлений в философии и оформление концепции естественного права в правовой мысли Западной Европы;

2) практическую имплементацию данных идей в общих революционных процессах и принятие идей просвещения в практике государственного строительства таких крупных стран, как Франция и США;

3) идейную реакцию на данные процессы в других странах Европы, в первую очередь в Великобритании и германских государствах, выразившуюся, в частности, в консервативной континентальной философии и островном утилитаризме [2].

Условия для формирования позитивистской правовой доктрины раньше всего сложились в Великобритании и Германии. Причем изначально контекст в данных странах несколько отличался, что привело к раннему размежеванию двух векторов развития этого

направления. Если в германских государствах в основу идеологии правового позитивизма легло учение Р. Иеринга о праве и философские изыскания исторической юридической школы, то в Великобритании главной ресурсной базой правового позитивизма стала собственная традиция эмпирической философии и идеи Бентама – гуманиста и одновременно яростного критика юснатурализма [3; 4].

Отечественная правовая доктрина в названный период в целом унаследовала все ключевые характеристики классического правового позитивизма, которые концептуально оставались общими. Так, Г.Ф. Шершеневич вторил своему британскому коллеге Дж. Остину, выделяя в качестве системообразующего элемента правовой системы отгосударственный характер права. Шершеневич писал: «государство есть источник права, и потому определение его в категории (ограничений) права логически недопустимо» [5, с. 71].

Первичное размежевание между данными векторами было значительно усилено геополитическими и революционными процессами в первой половине XX в., в результате которых образовался выраженный методологический разрыв. Внешний методологический разрыв связан с революционными процессами в советской России и формированием школы материалистического нормативизма, внутренний – с трагедией Второй мировой войны и обособлением аналитической философии и затем юриспруденции от континентальной политико-правовой мысли.

Необходимо отметить, что специфическое размежевание в континентальной правовой мысли на условно западный и советский подходы в результате коммунистической революции и формирования восточного лагеря было обусловлено политическими факторами и произошло до выделения аналитической философии и распространения ее предметного влияния на отечественную науку, в результате чего значительная часть научного дискурса XX в. оказалась за пределами осмысления отечественной наукой.

Отечественная теория во многом сосредоточилась на рефлексии наработок континентальной правовой философии и их интеграции с марксистской идеей. Довольно примечательно, что советский нормативизм во многом повторил идеи австрийско-амери-

канского правоведа Г. Кельзена, чьи взгляды довольно характерно выразили внутренний разрыв в правовом позитивизме. Важным моментом в теории Кельзена, сближающим его с советским нормативизмом, является тезис о необходимости «чистого изучения права» вне внешних связей и контекстов, исключительно с формально-юридической стороны, поскольку метафизические философские категории затемняют понимание права. Право было рассмотрено Кельзеном через категорию базовой нормы и государственного принуждения. По его утверждению, любой закон сводится к нормам, определяющим санкцию за правонарушение [6, р. 63].

В отечественной литературе рассматриваемый подход получил широкое распространение, особенно в советский период, в рамках узконормативного подхода. Так, например, П.И. Стучка понимал право как систему всеобщих принудительных норм, установленных государством [7]. На позднесоветском этапе, однако, данный подход был смягчен [8, с. 60–64]. В целом советский нормативизм при всей своей идеологизации предложил модель правовой системы, основанной на государственном принуждении, что значительно роднит его с классическим правовым позитивизмом [9].

Сегодня тенденции методологического обновления поднимают вопрос по-новому, однако по-прежнему в отечественной позитивистской доктрине крайне сильную позицию сохраняют установки на признание ключевой роли государства в правовой системе и создаваемом им управленческом аппарате [10].

На современном этапе, ввиду методологической закрытости отечественной науки и 70 лет антагонистического противостояния, векторы позитивистской доктрины значительно разошлись с континентальной и тем более с англо-американской доктриной. Об этом, в частности, свидетельствует ряд методологических особенностей и установок, о которых будет сказано далее. Примечательно, что такое размежевание имеет тройной характер: сначала размежевание континентального и англосаксонского правового позитивизма, затем раскол континентального права с выделением марксистской правовой теории и выпадение советской науки из процессов постнеклассической философской дискуссии вокруг аналитического направления в филосо-

фии и юриспруденции. Данное обстоятельство значительно затрудняет сравнение доктрин. Тем не менее сегодня ввиду происшедшего в последние десятилетия смягчения догматических установок становится возможным установить ряд общих тенденций развития.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

Общность оснований рассматриваемых доктрин вынуждает обратить пристальное внимание на методологические особенности англо-американского правового позитивизма, которые вывели государство и аспект принудительной государственной власти из числа ключевых в построении правовой системы. Поэтому второй вопрос касается непосредственно рассмотрения методологических особенностей англо-американского правового позитивизма.

Исследование теорий ключевых представителей англо-американского правового позитивизма вкупе с анализом отечественной и зарубежной литературы [11; 12; 13] позволяет выделить следующие методологические особенности аналитического позитивизма.

1. Аналитические установки. Еще в правовой теории Дж. Остина впервые выразились приемы аналитического рассмотрения правовых категорий. С середины XX в. англо-американский позитивизм развивается под влиянием аналитической философии. Это стало возможным благодаря значительным усилиям философа и правоведа Г. Харта, который сформулировал теорию юридического языка и правовых понятий, имплементировав в результате эти наработки в юридическую теорию. Главными такими методологическими установками в новой аналитической правовой гносеологии стали антиредукционизм, концептуальный анализ и контекстуальная интерпретация. В итоге право было рассмотрено как особое явление – социальный факт широкого содержания.

2. Право как социальный факт. Право представляет собой социальный факт институциональной нормативной природы. Оно рассматривается как особый общественно установленный нормативный порядок, наиболее эффективный по своей форме и содержанию для регулирования общественных отношений

и обеспечения защиты и реализации общественных и индивидуальных интересов.

3. Конвенциональная нормативность. Нормативность права обеспечивается социальной конвенцией, лежащей в основании действительности всей институционализованной нормативной системы общества. Утверждается, что в обществе формируется система, в которой власть определяет охраняемые основания для поведения, а индивиды принимают такую систему как обязательную для себя в силу сознательного приоритетного выбора.

4. Аксиологическая открытость. Аналитический правовой позитивизм сохраняет важную установку о недопустимости отождествления формализованной правовой системы и релятивистской нравственной. Тем не менее в аналитической доктрине признаются аргументы о рациональной и нормативной связанности правовых и моральных норм в контексте действия широкой системы нормативного регулирования.

5. Интерпретационная практика. Аналитический правовой позитивизм в большей степени, чем континентальный, стремится соединить формалистские законодательные и гибкие интерпретационные практики. Здесь важной установкой является то, что юридический язык ограничен в описании юридических правил и способности предусмотреть все случаи их действия. Для чего доктриной в качестве вспомогательного средства нормативного регулирования называется прецедентная (интерпретационная) практика.

На первый взгляд кажется, что такие методологические особенности формируют непреодолимую линию разграничения между отечественным и англо-американским позитивизмом. Однако существующий сегодня интерес к аналитической философии и новые отечественные правовые исследования как минимум свидетельствуют о серьезных попытках преодолеть эту линию.

Данные обстоятельства логично подводят к третьему вопросу о возможности выделения общих закономерностей – определения критериев сравнения, ключевых вопросов теории правового позитивизма. Для этого необходимо обратить внимание на то, как само понятие «правовой позитивизм» понимается в англо-американской и отечественной пра-

вой науке. В ряде фундаментальных отечественных исследований по тематике правопонимания указывается, что юридический позитивизм следует определять как направление в философии права, которое помещает в основу правовой системы социальный факт и отрицает необходимую связь права и морали, влияющую на действительность и нормативность права [2]. Примечательно, что в англо-американской литературе в целом называются те же ключевые аспекты, отличающие правовой позитивизм от других теорий правопонимания. Однако рассматриваются они скорее как устаревшие и нуждающиеся в модернизации [14, с. 112].

КРИТЕРИИ СРАВНЕНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ РАЗЛИЧИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Представляется возможным выделить следующие ключевые критерии сравнения для определения общих вопросов отечественного и аналитического (англо-американского) правового позитивизма:

- 1) понимание юридических правил и оснований их нормативности;
- 2) роль юридической практики и судебной интерпретации;
- 3) соотношение права с неправовыми регуляторами (моралью).

1. Как и отечественный правовой позитивизм, аналитический позитивизм в основе правовой системы видит нормативные правила. Особенным является то, что такие правила делятся на два вида. Так, основатель направления Г. Харт в нормативной системе выделял первичные и вторичные правила [15, р. 127–133]. Первичные правила направлены на регулирование общественных отношений между субъектами, а вторичные определяют условия и процедуру, в рамках которых должны действовать первичные, по большому счету, определяя их действительность. Впоследствии эта идея получила развитие в рамках концепции предписывающих и не предписывающих норм [16, р. 50]. Предписывающие нормы определяют правила поведения, а не предписывающие – правовые статусы и условия действия и правила реализации предписывающих норм. Частично такое де-

ление норм пересекается с принятым в отечественном правовом позитивизме делении системы норм на материальные и процессуальные [17]. Материальные нормы непосредственно регулируют общественные отношения, определяют права и обязанности субъектов, а процессуальные определяют юридические процедуры и условия юридикации поведения субъектов.

При этом природа правовых норм в аналитическом позитивизме понимается значительно шире, чем в отечественной доктрине, которая продолжает нормативистскую линию. Здесь крайне примечательными кажутся замечания современного аналитического правоведа Д. Раза. Его аргументы в первую очередь касаются излишней концентрации нормативизма на обязывающих нормах, которые определяются как самостоятельные. Остальные нормы в данной теории, ввиду ее концентрации на аспекте принудительности, определяются как несамостоятельные. В результате категория управомочивающих норм оказывается неполноценной, поскольку во всяком случае должна обеспечиваться системой обязывающих норм и государственной санкцией. В этом плане аналитический позитивизм большее значение отводит системе управомочивающих норм, которые определяются как системообразующие и приоритетные [16, р. 48–52]. Охранительные нормы рассматриваются в большей степени как дополнительные, поскольку их существование обусловлено в большей степени именно охраной общественных интересов, а не установлением принудительного правопорядка. Тем самым аналитический позитивизм меняет причину и следствие в системе «правомочие – обязанность», где правомочие формирует обязанность, а не наоборот. Такая установка во многом связана с тем, что сама нормативность права понимается в гораздо более широком политическом контексте.

2. Аналитический правовой позитивизм, как уже было сказано, значительно большую роль в правовой системе отводит судебной практике и прецеденту. Но необходимо отметить, что такая позиция обусловлена в первую очередь не особенностями семьи общего права, а пониманием формалистских и релятивистских аспектов в праве. Важным тезисом

здесь является утверждение, привнесенное аналитической лингвистической философией, что юридический язык и правовые понятия неспособны описывать все потенциальные случаи, в которых нормы должны действовать.

Разрешение данной проблемы и отечественному, и англо-американскому позитивизму видится в определенном делегировании полномочий правоприменителю по установлению состава конкретных правоотношений в процессе правоприменения. Для чего, в частности, в праве допускаются оценочные категории типа «разумности» [19, р. 6–18, 33–37]. В континентальном праве, и в особенности в отечественном правовом позитивизме, использование подобных категорий представляет значительную проблему, актуальность которой только возрастает и на разрешение которой брошены все средства юридической техники и формализованного правового толкования [20, с. 80–86].

Вместе с тем пределы полномочий правоприменителя в аналитическом позитивизме значительно шире. Если отечественная доктрина призывает в первую очередь к совершенству юридической техники и созданию оптимального по формулировкам законодательства, то англо-американский позитивизм в целом ввиду убежденности в невозможности формализовать закон видит выход в создании авторитетных прецедентных решений первичными правоприменителями (судами и административными органами) [21]. При этом еще основатель аналитического правового позитивизма Г. Харт называл подобные случаи применения авторитетных прецедентных решений ситуациями, экстраординарными в правовой системе.

Как и в отечественной доктрине, значимым является вопрос определения статуса такой деятельности. Особенно эта проблема проявляется в ситуациях конституционного законодательства, когда конституционный суд осуществляет толкование по внутреннему убеждению, с применением недекларированных норм конституции [22]. Примечательно, что для отечественной доктрины признание деятельности конституционного суда как продуцирующей новые правовые нормы в экстраординарных случаях не является такой уж исключительной ситуацией [10]. Однако англо-американский правовой пози-

тивизм относится значительно легче к потенциалу признания подобных решений в качестве нормативных. По утверждению Г. Харта, в любой правовой системе, так или иначе, существуют две формы фиксации правовых норм – законодательная и прецедентная, независимо от того, какой формальный статус такой практике придается [23, с. 136]. Тем не менее суды воспринимаются аналитическим позитивизмом не как правотворческие, а как первичные правоприменительные институты [24, р. 212–224]. Такое объяснение воспроизводит общее для правового позитивизма понимание суда и судебной практики, но предлагает гораздо более широкие возможности для признания и интеграции такой деятельности в правовую систему на официальном уровне. Необходимо отметить, что данный подход – лишь один из двух векторов современного англо-американского позитивизма. Другой представлен, в частности, в концепции Н. Маккормика, выдвинувшего идею всеобщей аргументативной практики [25, р. 209].

3. Признание аксиологического компонента в праве является одним из принципиально важных вопросов в правовом позитивизме и его полемике с другими направлениями правопонимания. Еще Г. Харт писал, что «в морали обязанность приобретает особое содержание субъективного душевного переживания» [23, с. 185]. При этом англо-американский правовой позитивизм пошел значительно дальше в поиске рациональных связей права с другими социальными регуляторами в рамках широкой ценностно-нормативной системы общества, чем континентальный и тем более отечественный правовой позитивизм. Это привело к появлению в рамках аналитического позитивизма направления «включающего» и «исключающего» позитивизма. Ярчайший представитель первого, Н. Маккормик, видел значительную рациональную связь права и морали и утверждал, что правовые выводы не могут быть в полной мере свободными от ценностей [26, р. 304]. Здесь можно увидеть связь с отечественным «мягким» позитивизмом, который допускает ограниченную связь морали и права [27]. Однако такая связь характеризуется значительно мягче, чем даже в самых консервативных современных концепциях аналитического позитивизма.

Ближе всего к отечественному мягкому позитивизму находится «исключающий» пози-

тивизм. Представитель данного направления Дж. Раз указывал, что право для формализации не должно включать в себя моральные аргументы. Вместе с тем автор делал принципиальное замечание, что для принятия нормативной системы субъектами она должна обеспечивать собственную легитимность, а значит быть эффективной. Только в этом случае у субъекта есть рациональные основания подчиняться праву, причем такое подчинение будет рассматриваться как морально предпочтительное в силу уважения к действующему закону [28, р. 43–45, 157–159].

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОГО ПРАВОВОГО ПОЗИТИВИЗМА

Таким образом, как минимум в рамках одного вектора развития аналитического правового позитивизма сохраняется общая преемственность позитивистской установки о недопустимости отождествления права и морали. Тем не менее в данной парадигме присутствуют крайне важные аспекты функционирования широкой нормативной системы общества, в которой право тесно связывается с другими социальными регуляторами в рамках социально-политических отношений. Отечественный позитивизм же в целом недооценивает аргументы о рациональном основании субъектов подчинения праву в результате действия стимулов непринудительного характера.

Можно сказать, что для англо-американского правового позитивизма характерна значительно бóльшая методологическая открытость, чем для отечественной догмы права. Примечательно и отсутствие прямой ссылки на государство при формулировании категорий правовой системы. Если для отечественного правового позитивизма главной системообразующей основой доктрины выступает отгосударственное происхождение права и концентрация на свойствах формальной принудительности обязывающих юридических норм, то в аналитической традиции право рассматривается значительно более широко в системе позитивных социально-политических связей в рамках нормативной системы, высшей институционализированной формой которой право, по сути, и является. В итоге это приводит к разной оценке клю-

чевых правовых категорий, релятивизации англо-американского позитивизма и формализации отечественного ввиду различного понимания социальных связей и права как социального факта.

Вместе с тем нельзя не отметить расширяющуюся отечественную дискуссию о социальных основаниях права, которая тем не менее проводится силами преимущественно лишь отечественной методологии. Такая дискуссия повторяет основные тезисы англо-американских правоведов в сфере оснований нормативности правовой системы, статуса суда и интерпретационной деятельности, содержательной связи права и морали. При этом поиск ответов на данные вопросы лежит в плоскости широкой системы нормативного регулирования, а само право наделяется гибким контекстуальным характером.

Аналитический позитивизм благодаря достижениям постнеклассической аналитической методологии отказался от строгих догматических установок классического правового позитивизма. В этом, очевидно, видятся объединяющие основания аналитического правового позитивизма и активно развивающегося в современной России направления интегративного правопонимания, выраженного, в частности, в трудах В.С. Нерсесянца, В.Г. Графского, А.В. Полякова и ряда других видных отечественных правоведов [29]. Собственно позитивистский фланг отечественной интегративной юриспруденции представлен концепцией реалистического позитивизма Р.А. Ромашова [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на разность концептуального понимания генезиса и сущности права как социального факта, отгосударственного в отечественном позитивизме и соционормативного в аналитическом позитивизме, сегодня расширяется поле соприкосновения этих конкурирующих доктрин. В исследованиях российских правоведов отмечается, что сходство между рассматриваемыми направлениями действительно есть, поскольку оба они ставят своей первоочередной задачей поиск социальных оснований права в условиях становления новой доктрины прав человека и критики возрожденного юснатурализма [30, с. 107]. Тем не менее следует признать, что на фоне

реакционистского импульса в политико-правовой и официальной философской мысли существует риск нового размежевания и отдаления представленных направлений в правовом позитивизме. Представляется, что любые методо-

логические ограничения способствуют скорее снижению конкурентоспособности научных идей, потому дискуссия в общем поле мировой правовой науки, в том числе между конкурирующими системами, необходимо продолжать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – Москва, 2002. – 832 с.
2. Краевский А.А. Чистое учение о праве Ганса Кельзена и современный юридический позитивизм : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Краевский. – Санкт-Петербург, 2014. – 231 с.
3. Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.С. Горбань. – Москва, 2019. – 578 с.
4. Остроух А.Н. Учение Бенгтама о праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А.Н. Остроух. – Москва, 2002. – 240 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права : в 2 т. – Москва : Изд-е Бр. Башмаковых, 1911. – Т. 1, вып. 1. – 698 с.
6. Kelsen H. General Theory of Law and State. – Cambridge : Harvard University Press, 1945. – 516 p.
7. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 1 / В.В. Лапаева // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4 (1). – С. 9–18.
8. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Москва, 2005. – 554 с.
9. Варламова Н.В. Юридический позитивизм и права человека / Н.В. Варламова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 156–166.
10. Ромашов Р.А. Правовой реализм и реалистический позитивизм: теория и практика / Р.А. Ромашов // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 57–64.
11. Касаткин С.Н. Юридический позитивизм в англо-американской правовой мысли. Концепция Герберта Харта / С.Н. Касаткин // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2012. – С. 298–320.
12. Himma K.E. Judicial Discretion and The Concept of Law / K.E. Himma // Oxford Journal of Legal Studies. – 1999. – Vol. 19. – P. 71–82.
13. Coleman J. Legal Positivism in A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory / J. Coleman, B. Leiter ; ed. Patterson. – 2nd ed. – Oxford, 2010. – P. 228–248.
14. Харт Г.Л.А. Позитивизм и разграничение права и морали / Г.Л.А. Харт // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 5 (262). – С. 102–136.
15. Baier K. The Moral Point of View: A Rational Basis of Ethics / K. Baier. – New York : Cornell University Press, 1958. – 338 p.
16. Raz J. Practical Reason and Norms / J. Raz. – New York : Oxford University Press, 1999. – 224 p.
17. Кашинина Т.В. Российское право / Т.В. Кашинина, А.В. Кашинин. – Москва : Норма, 2005. – 800 с.
18. Raz J. Kelsen's Theory of the Basic Norm / J. Raz // The Authority of Law. – New York : Oxford University Press, 1998. – P. 49–67.
19. Schwartz B. An Introduction to American Administrative Law / B. Schwartz. – London : Pitman, 1962. – 265 p.
20. Беседкина Н.И. Разумность, добросовестность и справедливость в системе оценочных категорий частного права / Н.И. Беседкина // Образование и право. – 2016. – № 2. – С. 98–105.

REFERENCES

1. Nersesyants V.S. (ed.). Problems of the General Theory of Law and State. Moscow, 2002. 832 p.
2. Kraevsky A.A. Hans Kelsen's Pure Doctrine of Law and Modern Legal Positivism. *Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2014. 231 p.
3. Gorban' V.S. Ihering's Legal Doctrine and Its Interpretations. *Doct. Diss.* Moscow, 2019. 578 p.
4. Ostroukh A.N. Bentham's Doctrine of Law. *Doct. Diss.* Moscow, 2002. 240 p.
5. Shershenevich G.F. General Theory of Law. Moscow, Bashmakov Brothers Publ., 1911. Vol. 1. Iss. 1. 698 p.
6. Kelsen H. General Theory of Law and State. Harvard University Press Publ., 1945. 516 p.
7. Lapayeva V.V. Current State and Prospects of the Russian Theory of Law and State. Part 1. *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij = Russian Journal of Legal Studies*, 2014, no. 4, pp. 9–18. (In Russian).
8. Baitin M.I. The Essence of Law. (Modern Normative Legal Understanding on the Verge of Two Centuries). Moscow, 2005. 554 p.
9. Varlamova N. Legal Positivism and Rights of Human Being. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*, 2008, no. 1, pp. 156–166. (In Russian).
10. Romashov R.A. Legal Realism and Realistic Positivism: Theory and Practice. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2017, no. 4, pp. 57–64. (In Russian).
11. Kasatkin S.N. Legal Positivism in Anglo-American Legal Thought. The Concept of Herbert Hart. *Legal Positivism and Competition of Legal Theories: History and Modernity*. Ivanovo State University Publ., 2012, pp. 298–320. (In Russian).
12. Himma K.E. Judicial Discretion and The Concept of Law. *Oxford Journal of Legal Studies*, 1999, vol. 19, pp. 71–82.
13. Coleman J., Leiter B., Patterson (ed.). Legal Positivism in A Companion to Philosophy of Law and Legal Theory. 2nd ed. Oxford, 2010, pp. 228–248.
14. Hart G.L.A. Positivism and the Distinction between Law and Morality. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2005, no. 5 (262), pp. 102–136. (In Russian).
15. Baier K. The Moral Point of View: A Rational Basis of Ethics. New York, Cornell University Press Publ., 1958. 338 p.
16. Raz J. Practical Reason and Norms. Oxford University Press Publ., 1999. 224 p.
17. Kashinina T.V., Kashinin A.V. Russian Law. Moscow, Norma Publ., 2005. 800 p.
18. Raz J. Kelsen's Theory of the Basic Norm. *The Authority of Law*. Oxford University Press Publ., 1998, pp. 49–67.
19. Schwartz B. An Introduction to American Administrative Law. London, Pitman Publ., 1962. 265 p.
20. Besedkina N.I. Rationality, Conscientiousness and Justice in the System of Evaluation Categories of Private Law. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2016, no. 2, pp. 98–105. (In Russian).

21. Фомушина Е.П. Значение судебного прецедента в России / Е.П. Фомушина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2009. – № 11. – С. 81–84.
22. Беляева О.М. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источника права и форма судебного правотворчества / О.М. Беляева // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 5. – С. 69–71.
23. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. – 304 с.
24. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System / J. Raz. – Oxford : Clarendon Press, 1980. – 245 p.
25. MacCormick N. Practical Reason in Law and Morality / N. MacCormick. – Oxford University Press, 2008. – 240 p.
26. MacCormick N. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory / N. MacCormick. – 1st ed. – Oxford University Press, 2007. – 317 p.
27. Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21.
28. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality / J. Raz. – New York : Oxford University Press, 1979. – 245 p.
29. Степаненко Р.Ф. Общетеоретические и методологические вопросы современного плюралистического правопонимания / Р.Ф. Степаненко // Вестник ТИСБИ. – 2017. – № 1. – С. 222–227.
30. Пищулин А.В. Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье / А.В. Пищулин // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2010. – № 4. – С. 98–107.
21. Fomushina E.P. Significance to Juridical Precedent in Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Jurisprudencija = Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2009, no. 11, pp. 81–84. (In Russian).
22. Belyaeva O.M. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a Source of Law and The Form of Judicial Lawmaking. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 5, pp. 69–71. (In Russian).
23. Hart G.L.A. The Concept of Law. Saint Petersburg State University Publ., 2007. 304 p.
24. Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. Oxford, Clarendon Press Publ., 1980. 245 p.
25. MacCormick N. Practical Reason in Law and Morality. Oxford University Press Publ., 2008. 240 p.
26. MacCormick N. Institutions of Law: An Essay in Legal Theory. 1st ed. Oxford University Press Publ., 2007. 317 p.
27. Martyshin O.V. Can The Main Types of Understanding of Law Be Compatible. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2003, no. 6, pp. 13–21. (In Russian).
28. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford University Press Publ., 1979. 245 p.
29. Stepanenko R. General Theoretical and Methodological Issues of Modern Pluralistic Consciousness. *Vestnik TISBI = TISBI Herald*, 2017, no. 1, pp. 222–227. (In Russian).
30. Pishchulin A.V. Modern Legal Positivism in The Anglo-Saxon Legal Family. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*, 2010, no. 4, pp. 98–107. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbunov Maxim Dmitrievich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 24.07.2024. The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 24.07.2024; accepted for publication 24.07.2024.